

Вера как опыт жизни в Боге

О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, – о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом. И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна (1 Ин. 1: 1–4).

Церковь говорит не о теории, и наши отношения с Церковью – это не взаимоотношения с теорией или учением. Мы были бы очень наивными людьми, если бы подвизались в жизни во Христе по той причине, что являемся последователями какой-либо теории, пусть она даже и кажется самой прекрасной. Церковь зиждется на опыте, прежде всего опыте апостолов, и он продол-

жается в каждом новом поколении. Иными словами, каждый святой человек, каждый человек, имеющий в своей жизни опыт общения с Богом, может повторить сказанное здесь святым апостолом Иоанном: *что мы слышали, видели, осязали* – то есть что мы пережили.

Это не что-то такое, что пережили апостолы, а потом оно перестало существовать, и мы просто верим в опыт апостолов, – это то, что постоянно присутствует в Церкви. Если этого опыта у нас нет, тогда наша вера еще несовершенна, она абстрактна, это не вера от зрения, основанная на опыте, – от зрения, вкушения, слушания, – а вера, которая основана на принятии определенных ценностей: «Я верю, что Бог существует, что Он сказал вот это, сделал это, жил в такие-то годы, совершил это чудо, совершил другое чудо». Это тоже вера, но она вводная, несовершенная, и мы не можем – да это и не нужно – останавливаться на ней.

Разумеется, мы принимаем ее как ступеньку, на которую ступаем, чтобы подняться вверх, но нам никогда нельзя останавливаться на первой ступеньке, нужно всегда перешагивать на следующую. Это как ты не можешь остаться в первом классе, как бы хорошо тебе там ни казалось, а надо переходить и в следующий, затем и в следующий после него – так и вера должна перейти в опыт Бога, чтобы Бог мог и для тебя стать чем-то конкретным, реальным, тем, чем ты живешь, а не чем-то абстрактным и неопределенным.

Что было от начала.

Это напоминает то, как святой Иоанн Богослов начинает свое Евангелие: «В начале было Слово». Тут тоже говорится: *что было от начала*. И само Священное Писание тоже начинается со слов: «В начале сотворил Бог небо и землю». Как вы знаете, слово

начало у греков означает не просто «начало» или «власть» – у него исключительно много значений. Это сильный и многозначный термин, так же как слово *логос*.

Что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом. И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна.

Видите, святой евангелист Иоанн сначала объясняет и свидетельствует, что то, о чем он дальше будет говорить, – это его опыт. То, что он видел, слышал и пережил; он ничего не будет писать об истории Христа. Не думайте, что после этого он начнет пересказывать события из жизни Христа. Апостолы не думали составлять исторический рассказ о жизни Христа, они не писали некую «Историю Христа», они писали о вечной жизни, которую Христос дает тем, кто любит Его и имеет общение с апостолами; и это общение – с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом.

Апостолы пишут все это, чтобы совершенной была радость людей, то есть наша с вами радость. Этот записанный опыт имеет целью известить нас о вечной жизни. Проповедь и слово Церкви – это слово о вечной жизни.

Но, слыша слова «вечная жизнь», не думайте, что это значит, будто нужно, презрев настоящую жизнь, отправиться в церковь, чтобы там слушать рассказ о вечной жизни и о том, что это такое – вечная жизнь, та жизнь, которая будет после смерти. А мы думаем подобным образом, не правда ли? Когда мы слышим слова «вечная жизнь», мы говорим: «Ну, вот когда мы умрем, тогда и начнем жить вечной жизнью! А сейчас пока еще погоди, ты сначала умри, а уже когда умрешь, тогда и увидишь, что там будет и что это за вечная жизнь и прочие истории! Ну ладно, старики еще могут верить в подобные вещи, потому что они уже у входа в

вечную жизнь, но чтобы молодой человек занимался сейчас вечной жизнью?..»

А что это значит – вечная жизнь? Два слова – *вечная* и *жизнь*. Вечная, потому что она никогда не кончается, а все, что никогда не кончается, – бессмертно: оно побеждает смерть и тление и подает человеку именно то, чего ему недостает, потому что человек не может жить среди смерти, не может обрести покоя среди тленных вещей. Все, что ограничено, не может утешить человека, потому что он по природе своей неограничен, поскольку является образом Божиим, он сотворен Самим Богом, и его нельзя уложить в схемы и пределы, он не может вместиться в то, что умирает, он не согласен на смерть. Он не сотворен для смерти и поэтому обретает покой и чувствует себя целостным только в том, что вечно.

Поэтому святой апостол Иоанн и говорит тут о вечной жизни. И то, что вечно, – это не смерть, это не счастье или что-нибудь еще, а жизнь, вечная жизнь.

Христос называет Себя жизнью: «Я есмь путь и истина и жизнь. То, чего мы ищем и чего хотим, – это реальная жизнь, реальный смысл жизни, сама жизнь. Христос – наша жизнь, и Он – жизнь вечная. Без Него наша жизнь – ад.

Без Него, без Бога, человек не может жить по-настоящему, он может жить биологически, но на самом деле быть мертвым: он уже не живет, он умер, находясь вдали от Бога. Мы все чувствуем это, когда живем вдали от Бога или делаем то, что отдаляет нас от Него. Мы понимаем, что это отлучает меня от Бога, а когда я оторван от Бога, я в аду, когда же с Ним, то будь я даже в аду, ад для меня становится раем.

В конечном счете, Христос – это рай, а Его отсутствие – ад. Когда Бог отсутствует, тогда будь ты даже в раю, рай становится адом.

У Церкви есть одна реальная цель – дать нам опыт вечной жизни, Царства Божия, которое является мощной реальностью. Оно мощная реальность, но для кого? Для тех, кто подвизается, чтобы ощутить присутствие Бога в сердце своем, для тех, кто борется, чтобы выбросить из себя все, что отлучает от Бога.

Многие говорят: «А это грех? Курение – это грех, батюшка? А делать ставки на лошадей – это грех?» Грех ли это, грех ли то? Бог не составил нам какого-то каталога грехов, какой-то конституции, которая систематизировала бы грехи. Грех – это все, что отделяет нас от Бога. Если я начну любить что-нибудь больше Бога – это грех. Если буду любить себя больше Бога – это грех. Если я начну любить деньги больше Бога – это грех, если буду любить все что угодно и любовь к этому будет сильнее любви к Богу – да, это грех, потому что это связывает мое сердце, пленяет его и приковывает этими воззрениями к тому, что отдаляет меня от Бога.

Грех отдаляет меня от вечной жизни, Царства Божия, от моей связи с Богом. Поэтому вечная жизнь – это опытное переживание людей, которые подвизаются по силам своим – сколько сил хватит, но всем сердцем – жить вечно с Богом.

Для этой борьбы нужно иметь сильное сердце. Если ты робок – ты не можешь подвизаться, если боязлив, дрожишь и пугаешься – тогда это трудно, ты не будешь преуспевать с легкостью.

Спросил некто одного авву (из «Патерика»):

– Авва, скажи мне, как я могу спастись?

– Если у тебя есть сердце, ты можешь спастись!

Бывает ли человек без сердца? Оно есть у всех, так что же он хочет этим сказать нам? Если сердце твое хочет этого, если у тебя есть сила, решимость, воля, ты можешь спастись.

Кто-нибудь скажет: «Я грешный человек, у меня есть страсти, ужасные страсти, я поработан своими страстями. Не могу избавиться от них, они действуют во мне. Как я могу спастись? Я хочу этого, но не могу. Не могу избавиться от всего этого. Что же это со мной?!»

Да, вечная жизнь, Царство Божие и опыт Бога – это не результат одних наших сил. Да и каких сил? Малых, которые у нас есть и если они есть. То, чего хочет Бог от нас, – это воля, чтобы я захотел. Если я хочу, то я получу силу от Бога. Отдай Богу свое намерение – и получишь от Него Его силу. Скажи: «Я хочу подвизаться, возлюбить Бога, быть всегда вместе с Богом! Но во мне есть много того, что тянет меня назад!» Сейчас это не имеет значения. Отдай Богу свою волю и затем обрати свое бессилие, поработан и терзание в страстях себе на пользу – духовным образом, с помощью смирения и покаяния, чтобы это бессилие смогло превратиться в силу.

Объясню. Вот я хочу сделать что-то. Например, ребенок хочет пойти домой, а другой ребенок держит его и не пускает. Первый начинает громко кричать: «Мама! Мама! Такой-то не пускает меня домой!» Он кричит и зовет свою мать, видя, что кто-то держит его и не дает пойти домой. Конечно, мать приходит, освобождает его и ведет домой.

Бог делает то же самое. Когда человек призывает Его своей волей, хотя сам и не может сделать ничего, тогда Он вмешивается, Божия благодать сходит и дает человеку в дар то, что он хочет. Поэтому в действительности наше спасение – это не наше дело, а Божие. Наше дело – это наша воля, наше желание.

Но, к сожалению, когда мы растем, вместе с нами растут и страсти, поработавшие нас, и случаются такие сильные страсти, которые берут нас в плен и получают над нами полную власть. Страсть настолько сильна, что первое, что она выводит из строя, когда действует, – это наш ум. Тогда она может взять руль в свои руки и увезти тебя, куда только захочет. Она будет владеть ключами от машины, сядет в нее, схватится за руль и укатит машину, куда ей вздумается. Когда ум пленен, все остальное происходит уже само собой.

Страсть имеет свойство напрямик поражать ум. Она хватается за него, пленяет и затем уводит тебя, куда захочет. Ты можешь говорить и теоретически знать, что вот это все делать не нужно. Да, но в эту минуту никто не думает о теориях. Кто держит руль – тот и ведет машину.

Итак, Бог приходит к немощному человеку, чувствующему свое бессилие, чувствующему затруднение, в котором находится из-за своих страстей, но вопреки всему призывающему Бога, желающему жить с Богом, быть вместе с Ним. Человек обращает себе на пользу тот факт, что является пленником, и изо всех сил взывает к Богу, чтобы Он освободил его. Бог действительно вмешивается и по таинственному Промыслу Своей любви подает человеку силу, не разрушая его другими страстями и гордостью, и помогает ему освободиться.

Поэтому ответственность за то, что мы не будем жить вечной жизнью с Богом, всецело ложится на нас. И не столько потому, что мы не совершили каких-либо дел, а потому, что не призывали Бога помочь нам. Какие дела может сделать мертвый человек? Умерший человек? Какие дела? Парализованный, раненый человек что может сделать? Мы духовно уязвлены и полумертвы, ибо грех нейтрализовал наши силы и поработил нас.

Мы не можем совершать важных и больших дел, но можем призывать Бога. Этого у нас отнять не может никто. Помните того слепца из Евангелия, который услышал шум, когда Христос проходил мимо, и спросил:

– Что там такое?

– Это идет Иисус Назарянин.

Как только он услышал, что идет Иисус, тут же принялся звать:

– Иисусе, Наставниче, помилуй нас, помоги нам!

Люди говорили ему:

– Да не кричи ты, не поднимай шума!

А он – продолжает. Чем больше ему говорили, чтобы он не кричал, тем сильнее он звал и поднял такой вопль, что заставил Бога, заставил Христа, Который, естественно, знает все, но он заставил Его остановиться и сказать ему:

– Чего ты хочешь?

– Господи, я хочу прозреть! – и Бог тут же вернул ему зрение.

Таким должен быть и человек, ищущий Бога, – он должен искать Его всем сердцем, невзирая на то, что происходит вокруг него, невзирая на свои страсти и грехи. Может, я и согрешил, может, я прошел через многое, может, в настоящий момент я не могу отсечь всех страстей, потому что я их раб, но никто не может заткнуть мне рот (я имею в виду не эти уста, а внутренние), никто не может заткнуть мне сердце, чтобы я не искал Бога. Искание Бога – это вопрос сердца, любви, это значит чувствовать, ощущать, что ты нуждаешься в Боге, это значит чаять Бога, жаждать Его.

Вы знаете, что такие люди, к сожалению, редко встречаются, и в наши дни их, может, станет еще меньше. Однако они реально обретают Бога – те, кто ищет Бога с сильным желанием, с жаждой, притягивающей Божию благодать, и она, сойдя, изгоняет страсти и грех. Тогда Бог становится самой сильной реальностью в них, Он уже не далек, а присутствует в них.

Не знаю, видели ли вы таких людей, но если видели, то поймете, что главное, что их отличает, – это не совершаемые ими чудеса, пророчества или знамения, все это нечто второстепенное и третьестепенное, – а их огромное желание жить воистину в Боге, возлюбить Бога. Такие люди существуют.

И знаете, иногда это приходит с годами. Я вспоминаю одного старика, который пришел в наш монастырь, желая стать монахом, в 80 лет. У него была семья, дети, ну – 80-летний дед. Чего же ты хочешь, дедушка, в свои 80 лет?! Почему ты не остался дома, благословенный человек, чтобы дети заботились о тебе, у тебя же там своя комната с мягкой постелью и добротными одеялами, ты ел бы себе жареного цыпленка с макаронами, а ты пришел сюда, в монастырь? Чем ты будешь питаться тут? Здесь ведь посты да похлебки, грубая пища, и жизнь твоя будет без тех удобств, которые у тебя есть там. Кто будет за тобой смотреть здесь, где отсутствуют человеческие утешения?

Помню, когда он приходил на бдения, я порой говорил ему:

– Дедушка, ты не хочешь пойти прилечь?

Смотрел я, как он, бедняга, мучается, стоя на бдениях всю ночь

– Дедушка, почему бы тебе не пойти отдохнуть?

– Нет! Мы пришли подвизаться! – и сжимал руку свою в кулак, бедняга, сжимал свою руку и говорил: – М-ы п-р-и-ш-л-и с-ю-д-а п-о-д-в-и-з-а-т-ь-с-я!

И смотришь, бывало, на него, беднягу, плетущегося в зимнюю стужу, молящегося целые ночи напролет. Нам, молодым еще, это было не в тягость, а для пожилого человека все это было тяжело. Но сердце приказывало ему. В нем появилось такое непреодолимое желание, такая жажда Бога под конец жизни, хоть раньше он и не был таким. Естественно, что и смерть его была преподобной.

Поэтому человек никогда не должен отчаиваться. Мы не знаем, что происходит в нашей душе или в душе другого человека. Но те, кто на самом деле побеждает, – это люди, сердце которых приказывает. Те, кто холоден, как говорит Писание[5]... если ты холоден, теплохладен, то ты ничего не сможешь, так не получится. Бог говорит, что Он отвергнет теплохладного как еду, которая не прожарена, не сварилась как следует, не приготовлена.

А для чего все это?

Чтобы радость ваша была совершенной.

Иными словами, все это было написано, чтобы вы имели общение с вечной жизнью, с Христом, чтобы вы преодолели смерть, не боялись ее, чтобы мы поняли, что то, чего нам недостает и в чем мы нуждаемся в своей жизни, – это Сам Бог, потому что Бог вечен, Бог выше всего человеческого.

В сущности, каждый человек ищет Бога, даже если и не понимает этого. Все это делает нашу радость совершенной. Первым словом, которое Христос произнес после Своего Воскресения, было: радуйтесь![6] Мы произносим его и сейчас – «херете»[7], что значит «радуйтесь, имейте в себе радость».

Евангелие – это Евангелие радости, но не той радости из стишка, который мы читали в детстве: «Мне весело, тра-ля, тра-ля». Мы говорили так, когда были малы, и эта радость продолжается, только пока не закроется ярмарка, это радость балаганная, а когда закончится балаган – не будет и радости. А Божественная радость совершенна, она не изменяется, не сводит тебя с ума, ведь человеческая радость иногда заставляет нас говорить слова и творить вещи, не слишком логичные.

Божественная радость – это внутренняя радость, которая проявляется вовне, когда ее переживают, но она стабильна и не зависит от внешних событий. Внешне, может, все видится в плохом свете, но внутренне человек полон радости, и знаете даже что бывает? Когда человек овладел искусством духовной жизни, тогда чем более неприятным кажется внешнее, тем больше в нем растет истинная радость.

Святой апостол Иаков говорит в одном месте: «Радуйтесь великой радостью, когда впадете в искушения»[8] – в скорби, испытания. Однако не в духе мазохизма, с ним у нас ничего общего нет, а чем больше человек борется за Бога, тем больше и в большей степени Бог присутствует в нем. Чем больше Бог присутствует в человеке, тем больше человек испытывает радость.

В той школе, которую мы посещали сегодня утром, один ребенок спросил меня:

– Владыко, может ли сегодня человек стать святым?

– Конечно, может, – ответил я ему.

– А молодой человек может стать святым? Это легко?

– Молодому человеку стать святым еще легче.

Конечно, он не спросил меня как. Он ограничился этим. Видимо, не поверил мне. «Да он просто морочит нам голову!» – сказал он (себе, конечно)! Или же полностью поверил в это. Может, и так. Но он не попросил дальнейших разъяснений.

Сегодня очень легко стать святым, очень легко, потому что встречаешь такое сопротивление, такие трудности в жизни, и так легко действительно стать не только святым, но и мучеником. Например, ребенок идет в школу и говорит там:

– Я верю в Христа и Церковь! – и подвизается, чтобы хранить воздержание, внимать себе, блюсти чистоту, в конечном счете – не идти за всеми. Как представляю себе всю ту волну, которая поднимется против него...

На самом деле эти дети, которые поступают в таком духе, не понимают, что их укрепляет Божия благодать, – они не понимают этого, для них все легко, потому что, когда присутствует благодать, человек преодолевает все. Но потом, когда подрастут, они поймут, что это была великая благодать – не малая, а великая благодать укрепляла их, и они невредимыми преодолели все трудности и сложности, вызовы и искушения. Словно ничто не могло с ними справиться.

И не только это. Даже малые дети в общеобразовательной школе, когда их увидят, что они церковные, с готовностью несут на себе крест Церкви. Можно услышать, как им говорят:

– О, ты ходишь в церковь, причащаешься! Ты с попами, и сам тоже станешь попом? А ты будешь попадьею?

Но ребенок несет свой крест, держит его и борется.

Кто же это, укрепляющий этого ребенка, этого человека? Он силен, если только Бог присутствует и живет в его сердце и у него

есть сильные переживания, гораздо более сильные и интенсивные, чем то, что предлагает ему мир. Потому что, чтобы выдерживать натиск, вызов и привлекательность греха, надо иметь в самом себе такие опытные переживания, которые были бы не только направлены против греха, но и сильнее его.

Человек бывает привлечен могучей Божией силой – и это тайна, он сам не может разобраться в этом как следует, понять это, объяснить. Он объяснит это позднее, когда, преуспев в духовной жизни, обернется назад и увидит, что это действительно была благодать. Я видел много детей, много людей, которые помнят свое вхождение в Церковь и знают, сколько благодати они получили от Бога – этой дарованной благодати, которая притянула их, скажем так.

Бог – наша радость. Для нас радость – Христос, а не что-то иное. Христос – наша радость, и когда Он присутствует, мы радостны, а когда отсутствует, то, что бы мы ни делали, все попусту.

У каждого из нас, конечно, есть свой образ успешного человека, то есть если спросить у кого-нибудь: «Скажи мне, кто, по-твоему, действительно счастлив, кто преуспел, кому можно позавидовать?» – то один может сказать: «Президент», – другой скажет: «Сын Онассиса»[9] или сам Онассис. То есть чтобы иметь корабли, самолеты, дома, прислугу и массу всего еще. Что представляет себе каждый? «Если бы я был как он!»

Однако все эти вещи, столь привлекательные для человека, несут на себе некую печать – печать тления. Смерть кто побеждает? Кто может даровать нам вечность? Кто может гарантировать мне мою вечность? Избавить меня от страха смерти, которая безжалостно заявится, чтобы перечеркнуть все вокруг меня, а в какой-

то момент и меня самого? На самом деле один только Бог дает сердцу человека это, только Христос побеждает смерть и дарует нам жизнь вечную.

Отличительная черта вечной жизни – вечная радость. Такой человек действительно радостен, абсолютно радостен и счастлив.

Если у кого-то нет жажды Бога, он должен постараться стяжать ее. Как? Как приходит жажда к человеку? Вы знаете? Это немного похоже на отсутствие аппетита. Ты говоришь тому, у кого нет аппетита:

– Съешь, сыночек, вот это!

– Не хочу!

– Съешь то!

– Не хочу!

Не ест и не ест. Да что же это такое! Неужели мы бросим его, чтобы он умер? Ведь если он не будет есть, то в какой-то момент умрет. И ты говоришь ему:

– Ну поешь капельку, попей молочка. Хоть тебе и не хочется, но заставь себя поесть немножко, пару ложечек, чтоб не умереть!

На следующий день он съест уже три ложки, а потом четыре. И, как говорят в народе, «аппетит приходит во время еды».

Кто хочет стяжать жажду Бога, тот приобретает ее двумя главными способами – молитвой и чтением. Когда он начнет молиться, пусть и немного, то пусть немножко понудит себя обращаться к Богу, выражать свою жажду перед Богом. Пусть скажет: «Христе, помилуй меня! Помоги мне! Я хочу полюбить Тебя, помоги мне полюбить Тебя, познать Тебя!»

Затем пусть начнет читать понемножку, исследовать слово Божие. Наша эпоха – это эпоха чтения, он должен привыкнуть к чтению и таким образом увидит, как подвизались другие люди, что они делали, как почувствовали Бога, как переживали Его, он узнает о Боге. А если он не знает этого, то как же он сможет полюбить то, что ему неизвестно?

Если он не знает, он должен больше узнать о Боге. Так как это написано Духом Святого Бога – а Божие имя, Христово имя живоносно и исполнено Святого Духа – и когда человек входит в соприкосновение с этими вещами, то его душа, которая функционирует независимо от мозга, питается сама собой.

Приведу вам простой пример. Когда я был отроком, лет четырнадцати, я начал больше интересоваться Церковью. Пошел в книжный магазин, купил себе книг и стал читать их. В одном углу там стояли религиозные книги. Я все их купил. Читал их, затем прятал или забрасывал туда, где бы их не нашла мама, которая проводила тщательные поиски, не найдет ли какую-нибудь религиозную книгу, – и если бы она ее нашла, то дома был бы бой.

У меня был велосипед, и я брал его, покупал книги, шел в парк, читал их, а потом прятал их в кусты или оставлял.

И вот – а я уже прочел все другие книги – на полке осталась только одна, она называлась «Подвижнические слова» аввы Исаака Сирина. Я сказал себе: поскольку это подвижнические слова и это христианство, то куплю эту книгу. А теперь представь себе – я не понял там ни единого слова, я ничего там не понял. Признаюсь, что абсолютно ничего там не понял. Как сейчас не понимаю, так и тогда не понимал, словно читал на турецком или армянском...

Невзирая на это, я прочел ее всю целиком, причем с огромной жадой. Ничего не понял, но, несмотря на это, она меня вооду-

шевила. Почему? Потому что это написано Святым Духом. Ум этого не понимает, но у души другие чувства, она понимает это и питается им.

И в храме, например, видишь младенцев. Зачем мы их водим в церковь и причащаем? Ведь дитя не понимает, однако ты видишь, что оно принимает благодать, чувствует ее и принимает всецелую благодать на себя, потому что душа его действует.

Чтение, например. Может, ты многого и не понимаешь, но это тебе не помеха, ты читай, хоть и не понимаешь. Это прикосновение к Духу, по действию Которого написаны эти книги, постепенно притягивает нашу душу, то есть Бог притягивает душу человека, а у нее есть собственные рецепторы. У ума нашего они одни, а у души есть другие рецепторы, и она ищет Бога и распознаёт Его, понимает и принимает.

И так приходит жажда – когда человек постепенно начнет подвизаться в молитве и чтении, и когда разгорится ревность, он совершает великие дела.

Перевела с болгарского Станка Косова

Митрополит Лимассольский Афанасий